

АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВИЧ СТАРИЦЫН

главный библиограф
Институт научной информации по общественным наукам
РАН (Москва, Российская Федерация)
profitens@yandex.ru

НАЧАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ ЧАЖЕНЫГСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ

Впервые в отечественной историографии поднимается проблема типологии староверческого поселения. Задача исследования – выяснить, по каким правилам была устроена жизнь староверов на реке Чаженьге, насколько эти правила соответствовали названию поселения, которое возникло как сельскохозяйственный филиал Выго-Лексинского общежительства. На основе широкого круга источников уточняется время основания поселения, имя его основателя, состав и численность поселенцев. Особое внимание уделяется управленческой структуре и типологии поселения, которое в историографии было принято именовать скитом. Так как Чаженьгское поселение было отделением Выговского общежительства, то оно копировало его устройство. Поэтому жители поселения жили по общежительным уставным правилам, характерным для общежительного монастыря. Поселение не имело постоянных жителей, его заселяли на время сельскохозяйственных работ насельники Выговского монастыря. В статье рассмотрены вопросы о первых постройках и локализации поселения. В результате произведенного исследования установлено, что Чаженьгское поселение неправильно именовать скитом.

Ключевые слова: старообрядчество, староверческие поселения, внутреннее устройство, локализация

Для цитирования: Старицын А. Н. Начальная история Чаженьгского поселения // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2019. № 6 (183). С. 70–76. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.374

ВВЕДЕНИЕ

Историография существовавшего около 150 лет в Каргопольском уезде Чаженьгского староверческого поселения крайне скудна. Долгое время единственным источником сведений о нем было сочинение И. Филиппова «История Выговской пустыни». В конце XXXI главы, озаглавленной «О Лексинской обители», помещена небольшая вставка, посвященная истории основания поселения на реке Чаженьге¹. Отсутствие других источников, вероятно, не позволяло исследователям приступить к изучению Чаженьгского поселения. Только в начале XX века каргопольский краевед К. А. Докучаев-Басков, добившийся разрешения работать в архиве Каргопольского земского суда, обнаружил новые документы и на их основе написал обстоятельную статью по истории поселения староверов на Чаженьге². Последующие попытки обратиться к истории Чаженьгского поселения сводились в основном к повторению уже известных сведений, содержащихся в сочинениях указанных авторов [1], [2]. Материалы, изложенные К. А. Докучаевым-Басковым, были дополнены в статье Л. Н. Хрушкой [5].

В настоящей статье значительно расширяется круг источников за счет новых находок, сделанных в Архиве древних актов и в Новгородском областном архиве. Привлечение материалов переписей и двух ревизий, картографических источников, выговских литературных памятников и уставов позволяет поставить вопросы о време-

ни возникновения поселения, его локализации, типологии, внутренней структуре, составе и численности поселенцев за двадцатилетний период, с 1710-х до 1730-х годов.

При отборе источников массового характера учитывались географический и гендерный факторы. Чаженьгское поселение, располагавшееся в Каргопольском уезде, как известно, находилось в подчинении Выговского общежительства, являясь своего рода кормовой базой всего Выговского суземка. Выговское общежительство и большинство зависимых от него скитов находились на территории Олонецкого уезда. Поэтому описание поселения на Чаженьге производилось как во время переписей Каргопольского уезда в 1712–1713 и 1718–1719 годах, так и во время I и II ревизий Олонецкого уезда в 1720-е и 1740-е годы. Переписные книги Каргопольского уезда содержат сведения о мужском и женском населении Чаженьгского поселения³. Материалы I ревизии Олонецкого уезда имели сложную структуру и состояли из сказок от 29 марта 1720 года (фиксировались только мужчины)⁴, доношения от 9 августа 1721 года (только мужчины)⁵, оштра от 26 февраля 1723 года (только мужчины)⁶, переписи вновь явившихся в канцелярии Петровских заводов 1724 года (только мужчины)⁷, сказок 1727 года (только женщины)⁸. Сведения из несохранившихся документов (доношение 1721 года и сказка 1727 года) нашли отражение в материалах II ревизии, что обусловило привлечение этого более позднего описания⁹.

О ВРЕМЕНИ ОСНОВАНИЯ ПОСЕЛЕНИЯ

Начавшийся в 1705 году и длившийся 7 лет¹⁰ голод вынудил выговцев искать в различных местах России пашенные земли, обработка которых обеспечила бы Выговское общежитие хлебом. В Каргопольском уезде вблизи обитаемой Заднедубровской волости на реке Чаженьге посланцы с Выга нашли пригодные для хлебопашества пустующие земли, некогда бывшие на оброке у старца Михаила Копылова¹¹. Староверы обратились с челобитьем о разрешении им взять земли на оброк не к своему непосредственному начальнику олонецкому вице-коменданту А. С. Чоглокову, управлявшему заводами и приписанными к ним областями, а к доверенному лицу А. Д. Меншикова ингерманландскому ладрихтеру Я. Н. Римскому-Корсакову. Вероятно, официальное положение Выговского общежития еще не было достаточно прочным, и многое зависело от личной заинтересованности или симпатии влиятельных лиц. Выговцы пока рассчитывали только на покровительство светлейшего князя А. Д. Меншикова. Получив указ на имя каргопольского коменданта С. И. Хвостова с предписанием организовать торги, выговские староверы благополучно взяли приглянувшиеся им земли на оброк¹². Произошло это событие в июне 1710 года¹³. Еще за год до официального приобретения земельных владений на Чаженьге пришельцы с Выга устроили там поселение и принялись активно осваивать территорию. Такое наблюдение позволило сделать обнаруженный в Новгородском областном архиве документ, озаглавленный: «Донесения церковнослужителей г. Каргополя о приходских людях, бывших и не бывших на исповеди и у причастия 1711 г.»¹⁴ В донесении священника Успенской церкви Заднедубровской волости Иоанна Иоаннова, сделанном в ноябре 1711 года, говорилось:

«Только де от той ево Заднедубровской волости за шесть верст на речке Чаженьге в 709-м году пришел неведомо по какому случаю из Олонецкого уезду с Выгу от церковного противника Данилы Викулова Василий Ерофеев прозванием Ремень, поселился на черном лесу и построил многие себе новые большие избы и мельницу. И в те в два года собрал к себе блис ста человек, а какие люди не ведаем, и с ним Василием живут и тех ево приходских людей в раскол прельщают и в народе пушают великой соблазн, а к церкви Божии и на исповедь не приходят и Святую Церковь ругают и Животворящему Кресту не поклоняются и ево попа с причетники называют волками, и церковную у него попа землю и у крестьян и сенные покосы отнимают сильно. И из той Заднедубровской волости ево попа хотят выгнать вон. А то ево волости крестьяном з женами и з детьми в церковь Божию и на исповедь к нему попу итти он Василий Ремень с товарищи запрещают и за то возбраняют»¹⁵.

Из донесения о. Иоанна следует, что Василий Ерофеев Ремень (годы жизни 1662–1741)¹⁶ был основателем и первопоселенцем поселения староверов на Чаженьге, но он не стал руководителем официально оформленного поселения.

В 1720 году Василий Ерофеев был назван в сказке старосты Кириллы Иванова жителем Выгорецкого общежития, здесь же был указан его возраст – 58 лет¹⁷. В 1724 году Василий Ерофеев в числе уважаемых людей Выговского общежития выступил в роли посредника в споре старца Гавушезерского скита Арсения и жителя того же скита Федора Миронова¹⁸. В материалах следственного дела по доносу Ивана Круглого от 1738 года обнаруживаются дополнительные сведения о Василии Ерофееве. И. Круглый, назвав его прозвище Ремез вместо Ремень, пояснил, что он происходил из посадских людей г. Ладоги и жил на Выгу в келье вместе со своим братом, имени которого не назвал¹⁹. Земли, взятые на оброк выговцами, простирались на 16 верст на восток за рекой Лельмой и на 15 верст на север от дорской дороги, занимая пустые земли и леса в урочищах по рекам Чаженьга, Ожма, Лельма и Ола²⁰.

В 1713 году судьба поселения на Чаженьге могла круто измениться. Руководители Выговского общежития на общем совете постановили переселиться с Выга на Чаженьгу. Главными аргументами для принятия такого решения были: плохие земли в Олонецком уезде, где находились основные поселения староверов, наличие обширных плодородных земель и дешевизна хлеба (без перевозки) в Каргопольском уезде²¹. В декабре 1713 года в Новгород для хлопот о получении разрешения на переезд был послан Семен Денисов, а на Чаженьге приступили к заготовке леса для большого строительства. Между тем в Новгороде Семена Денисова узнал бывший старовер и бывший житель поселения у Белого озера, входившего в состав Волозерского скита, Семен Лысков, который донес на него в Новгородский архиерейский разряд²². По свидетельству Григория Яковлева, на Денисова донос сделал некий Огнев, которого Семен наказал за какую-то провинность в общежитии²³. Семен был арестован 10 декабря 1713 года, заключен в митрополичью тюрьму, называемую Орловой, где пребывал до 8 сентября 1717 года, совершив побег вместе с охранявшим его солдатом Матвеем Полетним²⁴. Выговцы сочли эти события знаком Божественной воли, согласно которой они решили остаться на прежнем месте

«и вышеписанное прехождение на Каргопольскую землю отложиша, начаша тут жити и строитися и пашни пахати и всячески промышляти, а оную землю на оброк пахаху с монастыря к лету людей с лошадми посылаху и тако держаше и по сие время»²⁵.

ТИПОЛОГИЯ И УПРАВЛЕНЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ПОСЕЛЕНИЯ

В переписных книгах Каргопольского уезда Чаженьгское поселение названо в 1713 году: «На речке Чаженьге на оброчной земли новопостроенные избы, а по скаскам кельи Олонецкого уезду

из Выгорецкой пустыни по указом общежителъники», в 1719 году: «Да за Заднедубровской волостью на оброчной земле Выгорецкого общежителъства»²⁶. В материалах первых двух ревизий Олонецкого уезда в названии поселения повторялись определения: «дальнеотхожая пашня», «на отхожей оброчной пашни»²⁷. Переписчики подтверждали официальный статус поселения, его хозяйственное назначение и принадлежность Выгорецкому общежителъству. В административном отношении Чаженьское поселение, так же как и Выговское общежителъство, подчинялось руководству Олонецких Петровских заводов:

«А по присланном ордере с Олонецких Петровских заводов, которые присланы в Каргополь к порутчику Лариону Матфеевичу Челищеву в прошлом 718-м году декабря в 27-м, в нынешнем 719-м февраля в 26-м числех за руками алтелерии полковника и каменданта Вилима Генина да лантрата Григорья Муравьева написано: оные де вышеписанные жители Иван Филипов с товарищи посланные Выговского общежителъства на одной оброчной земле живут времянно и имянным де великого государя приказанием ведомы во всем к Олонецким заводом и всякие ево великого государя работы работают и приискывают и поднимают железные руды и известь. И по присланному де ево великого государя указу оному лантрату Муравьеву переписать их велено. И оные де вышеименованные жители в переписной у них книге и написаны и в табель сведены особ имянно. И той их переписке по имяном мужеска и женска полу в лета явствует ордер за рукою оного лантрата Муравьева подлинно»²⁸.

В 1712–1713 годах староверческое поселение представляло собой 7 жилых изб, которые выговские поселенцы в своих сказках называли кельями. В числе «постоянных» обитателей были названы всего 11 мужчин. Из временных обитателей – 24 сезонных рабочих. В поселении также проживало 14 женщин – две старицы и 12 белиц. Женщины жили отдельно от мужчин. Общее число зафиксированных переписью насельников – 35 мужчин и 14 женщин, всего 49 человек²⁹. Временные рабочие, приезжавшие из Выговской пустыни, занимались пашенной, хлебной и сенокосной работами. О разведении скота (от самого основания поселения в 1710 году) упоминает И. Филиппов³⁰. Об этом может также свидетельствовать наличие в поселении женщин, обычно работавших на монастырских скотных дворах. О них так и говорилось в документах: «посланные... для питомства скотскаго женска пола... староверки»³¹.

По данным переписи 1718–1719 годов, в трех кельях проживало 20 мужчин и в неизвестном числе келий 10 женщин. Среди построек упоминается скотный двор³². В материалах I ревизии за 1720–1727 годы содержатся сведения о 20 мужчинах и 25 женщинах³³.

В 1712–1713 годах поселение возглавлял 25-летний Никифор Семенов, его ближайшими помощниками были 10 человек, средний возраст которых составлял 50 лет: Лука Федоров, Никита

Иванов, Иван Андреев, Дмитрий Федоров, Афанасий Павлов, Иван Зиновьев, Изот Емельянов, Никон Фотиев, Елизар Васильев, Федор Володимиров³⁴. Григорий Яковлев утверждал, что первоначально чаженьскими старообрядцами руководил Семен Денисов, затем его сменил Никифор Семенов³⁵. В 1718–1719 годах поселение на Чаженьге возглавлял Иван Филиппов. Его помощниками были Никита Иванов, Сидор Григорьев, Михайло Павлов, Федор Иванов и Изот Емельянов. В 1720 году снова первым значился Никифор Семенов, который сохранил за собой первенство до 40-х годов XVIII века – времени II ревизии³⁶. В 1726, 1729–1733 годах Никифор Семенов уезжал в Сибирь, где недолго работал приказчиком на Демидовских заводах [7: 385, 408]. Помощники Никифора Семенова в 1720 году, Пахом Семенов, Никита Иванов, Изот Емельянов, Михаил Павлов, Антип Ермолин и Ерофей Степанов, были названы в документе «престарелые, которые над трудами надсматривают»³⁷. Большинство жителей Чаженьского поселения приезжали сюда из Выговского общежителъства на временные работы. Но некоторые имена повторяются из описания в описании. Такими «постоянными» жителями поселения, вероятно, от самого основания были Афанасий Павлов, Никита Иванов и Изот Емельянов. Двое последних во время II ревизии проживали на Чаженьге. Михаил Павлов и Ерофей Степанов умерли в 1739 году, Пахом Семенов – в 1740 году, Антип Ермолин – в 1742 году³⁸. О Михаиле Павлове и Изоте Емельянове упоминает И. Филиппов в «Истории Выговской пустыни». По словам Филиппова, Михаил хорошо знал Священное писание, был духовным наставником в женской части Чаженьского поселения³⁹. Изот (Зотик) Емельянов Старцов не жил постоянно на Чаженьге, приезжал только на время летних работ, а зимой возвращался в общежителъство, где занимался перевозкой грузов⁴⁰. На основании переписи Олонецкого уезда 1678 года устанавливается, что оба были выходцами из соседних деревень Шунгского погоста. Михаил Павлов по фамилии Крохин родился в 1666 году в деревне «в Кипине губе Кузнецовская», а Изот Емельянов Старцов – в 1676 году в деревне «на Каш озере Клишки Нестерова»⁴¹. Данные переписи 1678 года не согласуются с данными переписей 1713, 1719 и ревизий 1720-х и 1740-х годов. На основании данных XVIII века год рождения Михаила Павлова вычисляется 1658, а Изота Емельянова – 1666. Возможно, записанные со слов старосты сведения о возрасте крестьян в материалах ревизий XVIII века имеют существенную погрешность, равную приблизительно 10 годам.

Состав женской половины поселения также менялся, но при этом оставалось ядро «постоянных» насельниц. В 1712–1713 годах женской половиной руководили старицы Марья и Фотинья. В 1718–1719 годах они также зафиксированы, но

из 12 белиц остались только 5: Агафья Амосова, Ирина Иванова, Пелагия Лукина, Прасковья Фотиева и Евфросинья Амосова. В 1727 году из числа первоначальниц зафиксированы 70-летняя старица Фотинья, девки Агафья Амосова, Ирина Иванова и Пелагия Лукина. В сказке 1727 года к именам некоторых женщин добавлены прозвища по месту их происхождения – Важская (дважды), Шунская, Толвуйская, Заонежская⁴².

В изданном в 2008 году Г. В. Маркеловым сборнике «Выгорецкий Чиновник»⁴³, представляющем собой комплекс уставных документов Выговского общежития, содержатся 4 документа, освещающие внутреннее устройство Чаженьгского поселения. Автором всех документов, по мнению публикатора, является Семен Денисов: «Соборное установление о Чаженгской службе» (док. № 50), 1730-е годы; «Наставление старшим соборным сестрам на Чаженге» (док. № 51), 1720-е – начало 1730-х годов; «Соборное установление о чинах на Чаженге для лексинских постниц» (док. № 52), 1720-е – начало 1730-х годов (авторство Семена Денисова устанавливается предположительно); «Соборное установление на Чаженгу старице Фотинии» (док. № 53), 1730–1733 годы [3: 417–427].

В документе № 50 говорится о должностях и обязанностях присланных из общежития соборных старцев Архипа, Михаила и Никиты. Архип был назначен исполнять должность стряпчего и приказчика. Он ведал вопросами сношения с внешним миром, занимался наймом работников⁴⁴. Имя Архипа в материалах ревизий не выявлено, но в показаниях Ивана Круглого от 1738 года есть упоминание уроженца Новгородского уезда Сермякской волости Архипа Андреева Стебельдяева, о котором сказано, что он «в том ските... главный раскольник»⁴⁵. Михаилу было поручено надзирание за постницами. На этом основании его легко отождествить с Михаилом Павловым Крохиным, который по вышеупомянутому свидетельству И. Филиппова был духовным наставником в женской половине поселения. Никита исполнял должность нарядника, наблюдал за деятельностью старост и трудников. Должность старосты, упомянутая в документе, не имеет ничего общего со скитским старостой. Так назывались начальники младшего звена, руководившие трудниками. Никиту можно отождествить с Никитой Ивановым. Его помощник Андрей Федотов, названный в документе, в материалах переписей и ревизий не выявлен. В поселении были должности келаря, который следил за расходом продуктов и отвечал за питание насельников, и казначея, который ведал различными припасами, в частности одеждой, а также должность привратника, контролировавшего проход за ограду поселения⁴⁶.

Документы № 51 и 52 сообщают, что в женской части поселения «в постниц предел на

Чаженге» также существовали должности надзирательницы, нарядницы, келаря, казначеи и привратницы. Руководила женской половиной «надзирательная матка»⁴⁷. Во второй половине 20-х годов эту должность исполняла старица Евдокия, которая в переписных книгах не отмечена. Г. В. Маркелов предположил, что речь идет о Евдокии Андреевой, уроженке Кижского погоста, матери Луки Федорова, при этом он сослался на И. Филиппова [3: 425]. Но такая идентификация вызывает сомнение, потому что И. Филиппов не упомянул, что Евдокия Андреева жила на Чаженьге⁴⁸. Должности нарядницы и казначеи совмещала старица Фотиния, ей помогала девка Ксения⁴⁹. Последняя отождествляется с Ксенией Тимофеевой Заонежской. Документ № 53 информирует, что в начале 30-х годов «надзирательной маткой» стала старица Фотиния, она же исполняла должность казначеи. Нарядницей стала Анастасия Нигижемская, келарем Софья Петрова, привратницей Пелагия Андреева, в помощь которой определена Анна Петрова Важская. Старице Фотинии предписывалось советоваться с нарядницей, келарем, а также с Марьей Иоакимовной и Михайловной, которые, вероятно, входили в малый собор. По данным II ревизии, девка Пелагия Андреева умерла в 1739 году, а о вдове 70-летней Анне Петрове Важской сообщается, что ее муж Парфен был дворцовым крестьянином Важского уезда⁵⁰. О Софье Петровой и Анастасии Нигижемской дополнительных сведений не обнаружено.

Если женскую половину поселения возглавляла «надзирательная матка», то возникает вопрос, как называлась должность руководителя мужской половины поселения? Просто «надзиратель»? Такой должностью, например, был облечен Исакий Ефимов в Лексинском монастыре⁵¹. Однако его обязанности надзирать за благочинием больше совпадали с обязанностями Михаила Павлова в Чаженьгском поселении. В написанном Семеном Денисовым в 1730-х годах уставе, озаглавленном «Предел на рыбных ловитвах пребывающим...» (док. № 35), есть упоминание должности «надзиратель большей»⁵², возможно, именно так должны были называться чаженьгские руководители.

В документах, адресованных на Чаженьгу, указаны должность келаря и другие признаки, характерные для устройства общежительного монастыря: общая трапеза, запрет на частную собственность, запрет на отдельное питание. Семен Денисов в послании на Чаженьгу, написанном в 1730-х годах, обращался к трудникам как к «общежителней на Чаженге дружине»⁵³. Важно отметить, что жители Чаженьгского поселения, как филиала Выговского общежития, жили по общежительным уставным правилам в отличие от жителей скитов. Даже внешне Чаженьгское поселение повторяло облик выговских

монастырей – было окружено оградой. Г. Яковлев, описывая деятельность Никифора Семенова, упомянул, что он

«устроив тамо и ограды наподобие монастыря, и часовни две с иконами и книгами, – едину мужского соборания, а другую женского, – со звонами учини и всемошныя бдения устави быти с повседневною службою в них, на подобие во всем выговских лжемонастырей»⁵⁴.

На существование ограды указывает также должность привратника на Чаженьге.

Документ № 53 содержит информацию о существовании путей сообщения между Чаженьгским и Пормскими поселениями⁵⁵. Эта информация подтверждается сведениями, полученными при осмотре местности и из беседы с местными охотниками. По словам охотников, сохранилась дорога, ведущая от деревни Чаженьги до деревни Карасово, от которой шла тропа в сторону озера Кенгозеро. Дальше через болото охотники добирались до рек Охтонга и Малая Порма.

Произведенный анализ уставных документов раскрывает внутреннее устройство Чаженьгского поселения, позволяя охарактеризовать его как сельскохозяйственный филиал общежительного монастыря. Именование поселения скитом не встречается ни в одном выговском произведении, ни в официальных документах первого тридцатилетия XVIII века. Первым назвал поселение скитом в своем доносе И. Круглый⁵⁶, что характерно для простонародного крестьянского восприятия всех выговских поселений.

СТРОЕНИЯ И ЛОКАЛИЗАЦИЯ ПОСЕЛЕНИЯ

В Чаженьгском поселении были две часовни – мужская и женская, но время их постройки неизвестно. В деле «О поджоге мачтового леса», опубликованном в 1900 году в «Олонецких епархиальных ведомостях», неизвестный автор утверждал, что в 1710 году «Иван Филиппов устроил часовню близ р. Чаженьки и основал скит». Но еще К. А. Докучаев-Басков, обративший внимание на эту публикацию, выразил сомнения в правильности датировки, заметив, что сам И. Филиппов в своем сочинении «История Выговской пустыни» ничего не сообщил о постройке часовни в Чаженьгском поселении⁵⁷. Сведения о часовне содержатся в обнаруженном и опубликованном А. В. Пигиным рукописном памятнике, относящемся к выговской литературной школе, – «Чюдо преподобнаго отца Александра, игумена Ошевенскаго, каргополскаго чюдотворца, како избави мужа некоего именем Евтропия от лютаго бесовскаго томления»⁵⁸.

По всей видимости, первой была мужская часовня (это можно понять из приводимого ниже текста), после постройки которой чаженьгские староверы озаботились украшением своего храма подобающими иконами. История приобретения иконы особо чтимого на Чаженьге святого

Александра Ошевенского подробно излагается в «Чюде...»:

«И се вдова оная во врата дому того, в немъ же брат он, идяше, несущи образ преподобнаго, и, вшедши в дом, взяв цену достойную, юже хотяше, и вдаде образ той оному брату. Он же приим, веселыми стопами в новопоселенное место поиде. Пришедша же братия с радостию сретоша и, взявше образ преподобнаго, с молебным пением и с подобающим торжеством во оный молитвенный храм внесше, поставиша, идеже и донныне стоит, подавая с верою приходящим желаемая прошения» [4: 219].

В 1739 году на Чаженьгу были переданы несколько пожертвованных Демидовым небольших колоколов⁵⁹.

Центром Чаженьгского сельскохозяйственно-го комплекса была деревня Чаженьга, где стояли часовни. На ландкарте Каргопольского уезда 1728 года деревня обозначена на правом берегу реки Чаженьги⁶⁰. Более точное местоположение деревни устанавливается при помощи планов генерального межевания Каргопольского уезда 1788 года⁶¹. При сопоставлении картографических данных XVIII века с современной картой место деревни определяется на расстоянии 500 м на север от моста через речку Чаженьгу на ее правом берегу. До недавнего времени сохранялось здание женской часовни, переделанной под православную церковь в 1838 году⁶². Фотографии церкви, сделанные в 1971 году, были обнаружены Л. Г. Шаповаловой и опубликованы в 2011 году [6: 220]. При визуальном обследовании местности, руководствуясь указаниями старожилов, была обнаружена прямоугольная площадка, заросшая кустарником и деревьями. Площадка четко просматривается в траве и выделяется рыжевато-бурым цветом от превратившихся в труху бревен. Предположительно на этом месте стояла переделанная из староверческой часовни православная церковь. Выговское общежителство с Чаженьгским поселением связывала дорога, которая функционировала только в зимнее время: через Водлозеро, Кенгозеро, по реке Кене, всего протяженностью около 220 верст⁶³. В каталоге координат Каргопольского уезда, составленном в 1727 году геодезии подмастером А. Ф. Клешиным, отмечено, что на Чаженьгу летом можно было проехать из ближайшей Заднедубровской волости по конной дороге. Также указывалось на наличие двух скотных дворов в поселении⁶⁴.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На основании собранного материала можно утверждать, что поселение на Чаженьге возникло на несколько месяцев (в ноябре 1709 года) раньше его официального оформления (в июне 1710 года). Основателем поселения следует считать Василия Ерофеева по прозвищу Ремень (Ремез). Чаженьгское поселение было создано как вспомогательная сельскохозяйственная ферма (пашенный двор) Выговского общежителства и поэтому не имело постоянных жителей. Его заселяли на время

сельскохозяйственных работ. За первые 20 лет существования среднее число жителей приближалось к количеству 40 человек обоего пола. Поселение имело сложную внутреннюю структуру, в основном повторяющую устройство Выговского общежительного монастыря. Как и на Выгу, в основе жизненного уклада Чаженьгского поселения лежал общежительный устав, на этом основании его нельзя считать скитом. Так как обитателями

поселения становились на летнее время жители Выговского общежития, среди них практически отсутствовали выходцы из Каргопольского уезда, а преобладали уроженцы Кижского, Шунгского, Толвуйского и других погостов Олонецкого уезда. Место, где существовало в начале XVIII века Чаженьгское поселение, устанавливается с высокой степенью точности на правом берегу реки Чаженьги в 500 м к северу от моста.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Филиппов И. История Выговской старообрядческой пустыни. Издана по рукописи Ивана Филипова. С соблюдением его правописания, одиннадцатью портретами знаменитых старообрядцев и двумя видами Выговских мужского и женского общежительных монастырей. СПб.: Типография Товарищества «Общественная Польза», 1862. С. 137–139.
- ² Докучаев-Басков К. А. Чаженьгский раскольниковый скит (1710–1854 гг.) // Чтения в Императорском Обществе истории древностей российских при Московском университете. 1912 год. М., 1912. Кн. 1. С. 40–68. (Разд. 5: Смесь).
- ³ Российский государственный архив древних актов. Ф. 350 (Ландратские книги и ревизские сказки). Оп. 1. Д. 168, 169 (далее – РГАДА).
- ⁴ Там же. Ф. 350 (Ландратские книги и ревизские сказки). Оп. 2. Д. 2359.
- ⁵ Не сохранилось.
- ⁶ РГАДА. Ф. 350 (Ландратские книги и ревизские сказки). Оп. 2. Д. 2367, 2373.
- ⁷ Не сохранилась.
- ⁸ Не сохранилась.
- ⁹ РГАДА. Ф. 350 (Ландратские книги и ревизские сказки). Оп. 2. Д. 2383; Ф. 288 (Раскольниковская контора). Оп. 1. Д. 964; Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 17 (Собрание Барсова). № 5 (далее – ОР РГБ).
- ¹⁰ Выго-Лексинский летописец / Подгот. текста и примеч. Е. М. Юхименко // Выговская поморская пустынь и ее значение в истории России: Сб. науч. статей и материалов. СПб., 2003. С. 310.
- ¹¹ Имя старца Михаила Копылова стало известно благодаря находке К. А. Докучаевым-Басковым «Дела о вырубке мачтового леса 1778 г.» (См.: Докучаев-Басков К. А. Указ. соч. С. 49). О старце Копылове в «Истории Выговской пустыни» сообщается, что он хотел поставить на Чаженьге монастырь, но не успел, так как был послан патриархом Никоном в Константинополь и Иерусалим и там умер (см.: Филиппов И. Указ. соч. С. 138). Попытки обнаружить монаха Михаила Копылова среди спутников Арсения Суханова и Иоанна Маленького, ездивших в Константинополь и Иерусалим в середине XVII века, не увенчались успехом.
- ¹² Филиппов И. Указ. соч. С. 138.
- ¹³ Докучаев-Басков К. А. Указ. соч. С. 49.
- ¹⁴ Государственный архив Новгородской области. Ф. 480 (Новгородская духовная консистория). Оп. 1. Д. 5 (далее – ГАО).
- ¹⁵ ГАО. Ф. 480 (Новгородская духовная консистория). Оп. 1. Д. 5. Л. 26–26 об.
- ¹⁶ РГАДА. Ф. 350 (Ландратские книги и ревизские сказки). Оп. 2. Д. 2383. Л. 1 об.
- ¹⁷ Там же. Д. 2373. Л. 7.
- ¹⁸ Описание документов и дел святейшего правительствующего Синода. СПб., 1883. Т. 6. С. 392.
- ¹⁹ Есипов Г. Раскольничьи дела XVIII столетия. Извлеченные из дел Преображенского приказа и Тайной розыскных дел канцелярии Г. Есиповым. СПб.: Тип. товарищества «Общественная польза», 1861. Т. 1. С. 417, 477. Трудно сказать, кто указал ошибочное прозвище: священник Иоанн или Иван Круглый.
- ²⁰ Докучаев-Басков К. А. Указ. соч. С. 49.
- ²¹ Филиппов И. Указ. соч. С. 144.
- ²² Там же. С. 144–145.
- ²³ Яковлев Г. Бывшего беспоповца Григория Яковлева извещение праведное о расколе беспоповщины (С приложением «карты Суземка раскольниковского» и «Летописца Выговского»). М.: Тип. Э. Лисснера и Ю. Романа, 1888. С. 76.
- ²⁴ РГАДА. Ф. 248 (Сенат и его учреждения). Оп. 4. Кн. 190. Л. 664–665.
- ²⁵ Филиппов И. Указ. соч. С. 150.
- ²⁶ РГАДА. Ф. 350 (Ландратские книги и ревизские сказки). Оп. 1. Д. 168. Л. 162; Д. 169. Л. 1029.
- ²⁷ Там же. Оп. 2. Д. 2359. Л. 885 об.; Ф. 288 (Раскольниковская контора). Оп. 1. Д. 964. Л. 42.
- ²⁸ Там же. Ф. 350 (Ландратские книги и ревизские сказки). Оп. 1. Д. 169. Л. 1029–1029 об.
- ²⁹ Там же. Д. 168. Л. 162–162 об.
- ³⁰ Филиппов И. Указ. соч. С. 138.
- ³¹ РГАДА. Ф. 288 (Раскольниковская контора). Оп. 1. Д. 964. Л. 159.
- ³² Там же. Ф. 350 (Ландратские книги и ревизские сказки). Оп. 1. Д. 169. Л. 1029.
- ³³ Там же. Оп. 2. Д. 2359. Л. 886; Ф. 288 (Раскольниковская контора). Оп. 1. Д. 964. Л. 159–159 об.
- ³⁴ Там же. Ф. 350 (Ландратские книги и ревизские сказки). Оп. 1. Д. 168. Л. 162.
- ³⁵ Яковлев Г. Указ. соч. С. 76, 82.
- ³⁶ РГАДА. Ф. 350 (Ландратские книги и ревизские сказки). Оп. 1. Д. 169. Л. 1029; Ф. 288 (Раскольниковская контора). Оп. 1. Д. 964. Л. 155.
- ³⁷ Там же. Ф. 350 (Ландратские книги и ревизские сказки). Оп. 2. Д. 2359. Л. 886.
- ³⁸ Там же. Ф. 288 (Раскольниковская контора). Оп. 1. Д. 964. Л. 155.
- ³⁹ Филиппов И. Указ. соч. С. 289.
- ⁴⁰ Там же. С. 319.
- ⁴¹ РГАДА. Ф. 1209 (Поместный приказ). Оп. 1. Д. 1137. Л. 72–72 об.; 79 об.–80.
- ⁴² Там же. Ф. 350 (Ландратские книги и ревизские сказки). Оп. 1. Д. 168. Л. 162 об.; Д. 169. Л. 1029; Ф. 288 (Раскольниковская контора). Оп. 1. Д. 964. Л. 159.
- ⁴³ Выгорецкий Чиновник: В 2 т. / Под ред. Г. В. Маркелова. СПб.: Дмитрий Буланин, 2008. 556 с. (далее – Выгорецкий Чиновник).
- ⁴⁴ Там же. С. 223.
- ⁴⁵ Есипов Г. Указ. соч. Т. 1. С. 433.

- ⁴⁶ Выгорецкий Чиновник. С. 225–226, 228–230.
- ⁴⁷ Там же. С. 232–239.
- ⁴⁸ Филиппов И. Указ. соч. С. 352–355.
- ⁴⁹ Выгорецкий Чиновник. С. 242–243.
- ⁵⁰ РГАДА. Ф. 288 (Раскольническая контора). Оп. 1. Д. 964. Л. 159.
- ⁵¹ Выгорецкий Чиновник. С. 84.
- ⁵² Там же. С. 175.
- ⁵³ Семен Денисов. Послание трудникам в Чаженский скит // Юхименко Е. М. Литературное наследие Выговского старообрядческого общежития. М., 2008. Т. 1. С. 378.
- ⁵⁴ Яковлев Г. Указ. соч. С. 82–83.
- ⁵⁵ Выгорецкий Чиновник. С. 248.
- ⁵⁶ Есипов Г. В. Указ. соч. Т. 1. С. 433.
- ⁵⁷ Докучаев-Басков К. А. Указ. соч. С. 43, 46.
- ⁵⁸ Выражаю искреннюю признательность А. В. Пигину за указание на эту публикацию. «Чюдо...» датируется первой половиной – серединой XVIII в. См.: [4: 84].
- ⁵⁹ Филиппов И. Указ. соч. С. 310.
- ⁶⁰ Ландкарта Каргопольского уезда 1728 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.runivers.ru/maps/kirilov/24 (дата обращения 30.04.2015).
- ⁶¹ РГАДА. Ф. 1356 (Планы генерального межевания). Оп. 1. Д. 3291. Ч. 12.
- ⁶² Докучаев-Басков К. А. Указ. соч. С. 66.
- ⁶³ Там же. С. 45.
- ⁶⁴ РГАДА. Ф. 248 (Сенат и его учреждения). Оп. 18. Кн. 1201. Л. 450.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Макаров Н. А. Чаженский раскольнический скит // Земля Плесецкая: годы, события, люди. Архангельск, 2002. С. 123–128.
2. Макаров Н. А. Чаженский старообрядческий скит // Церковные приходы и монастыри Кенозерья и Среднего Поонежья. Архангельск, 2007. С. 135–140.
3. Маркелов Г. В. Комментарии // Выгорецкий Чиновник. СПб., 2008. Т. 2: Тексты и исследование. С. 283–464.
4. Пигин А. В. Памятники рукописной книжности Олонецкого края: Учеб. пособие. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2010. 226 с.
5. Хрушкая Л. Н. Из истории Чаженского старообрядческого жилища // Культурное и природное наследие Европейского Севера: Сб. Архангельск, 2009. С. 307–315.
6. Шаповалова Л. Г. Чаженская находка // Культура Поонежья X–XXI веков: общерусские черты и региональные особенности: Материалы XI Каргопольской науч. конф. (18–22 августа 2010 г.). Каргополь, 2011. С. 217–222.
7. Юхименко Е. М. Комментарии // Юхименко Е. М. Литературное наследие Выговского старообрядческого общежития. М., 2008. Т. 2. С. 337–503.

Поступила в редакцию 24.04.2019

Aleksandr N. Staritsyn, Lead Bibliographer, Institute of Scientific Information for Social Sciences
of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation)

INITIAL HISTORY OF CHAZHENG SETTLEMENT

The problem of typology of the Old Believers' settlement is raised for the first time in Russian historiography. The objective of the study is to find out what guided the way of the life of the Old Believers living on the Chazhenga River, and how these rules corresponded to the name of the settlement which emerged as an agricultural branch of the Vyg-Leksa Community. On the basis of a wide range of sources, the time of the settlement foundation and the name of its founder, as well as the composition and the number of settlers are specified. Particular attention is paid to the management structure and typology of the settlement, named skete in historiography. Since the Chazhenga settlement was a branch of the Vyg Community, it copied its structure and organization. Therefore, the inhabitants of the settlement lived by the coenobitic charter characteristic of a coenobitic monastery. The settlement had no permanent residents – it was inhabited by the brethren of the Vyg Monastery for the period of agricultural work. The article deals with the issues of the first buildings and localization of the settlement. The study showed that it is wrong to classify the Chazhenga settlement as a skete.

Keywords: Old Belief, Old Believers' settlements, internal structure, localization

Cite this article as: Staritsyn A. N. Initial history of Chazhenga settlement. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2019. No 6 (183). P. 70–76. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.374

REFERENCES

1. Makarov N. A. The Chazhenga schismatic skete. *Zemlya Plesetskaya: gody, sobytiya, lyudi*. Arkhangelsk, 2002. P. 123–128. (In Russ.)
2. Makarov N. A. The Chazhenga Old Believers' skete. *Tserkovnye prikhody i monastyri Kenozerya i Srednego Poonezh'ya*. Arkhangelsk, 2007. P. 135–140. (In Russ.)
3. Markelov G. V. Comments. *Vygoreskiy Chinovnik*. St. Petersburg, 2008. Vol. 2: Texts and research. P. 283–464. (In Russ.)
4. Pigin A. V. Handwritten literary monuments of Olonets: Textbook. Petrozavodsk, 2010. 226 p. (In Russ.)
5. Khrushkaya L. N. The history of the Chazhenga Old Believers' home. *Kul'turnoe i prirodnoe nasledie Evropeyskogo Severa: Sb.* Arkhangelsk, 2009. С. 307–315. (In Russ.)
6. Shapovalova L. G. The Chazhenga finding. *Kul'tura Poonezh'ya X–XXI vekov: obshcherusskie cherty i regional'nye osobennosti: Materialy XI Kargopol'skoy nauchnoy konferentsii (18–22 avgusta 2010)*. Kargopol, 2011. P. 217–222. (In Russ.)
7. Yukhimenko E. M. Comments. *Yukhimenko E. M. Literary heritage of the Vyg Old Believers' Community*. Moscow, 2008. Vol. 2. P. 337–503. (In Russ.)

Received: 24 April, 2019